

Март 1977

Волшебный бой или последняя
и решительная флейта¹

Призрак бродит по высшим сферам власти. Имя ему — коммунизм. Но и среди самих коммунистов бродит призрак. Имя ему — власть.

Все сфальсифицировано в нынешнем политическом сценарии, тон ему задает имитация революционного напряжения и захвата власти коммунистами (и в целом левыми). На самом деле, за всей этой постановкой, во время которой коммунисты продолжают посвящать себя противостоянию с правыми и тем самым сохранению существующего строя, именно страх перед обладанием власти движет ими и придает новую силу инерции, а позор, сопутствующий революции, стимулирует их к этому. В этом смысле они не одиноки, поскольку политика никому не подвластна; правые силы не жизнестойки так же, как и левые. Коммунисты исторически всегда представляли, вслед за Лениным и провозглашенной им перспективой захвата власти, которой все привержены (и какой они сами считают себя верными), как *политики* и даже профессионалы. В их рядах наи-

¹ Перифраз слов Интернационала («Это есть наш последний и решительный бой») и названия оперы Моцарта «Волшебная флейта» (1791). — *Здесь и далее прим. перев.*

более очевидны несостоятельность и политическое разложение. Это у них страх перед властью пагубно сказывается на перспективе, о какой заявил Сангинетти¹ в «Правдивом докладе о последних шансах спасти капитализм в Италии». Суть его в том, что коммунисты придут на смену господствующему классу во властных структурах и в *политическом* управлении капиталом (последние итальянские выборы разоблачили эту *утопию*, все еще подписываемую старым циничным идеализмом классовой борьбы).

Откуда у коммунистов это бессилие, эта своего рода кастрация? Кто оскотил их? Благодаря какому такому волшебству они всегда терпят неудачу, приблизившись к цели, и ведь не из желания бросить кому-то вызов, как тот бегун на длинные дистанции², который, в силу одиночества, решил проиграть и тем самым отрицал правила игры. Нет, здесь дело в ином! Так почему коммунисты неизменно терпят поражение именно тогда, когда до власти им рукой подать, почему, стоит им завидеть бездны власти, отчаянно тормозят, как герои комиксов при виде бездны?

¹ Александр Сангинетти (1913–1980) — французский государственный деятель.

² «Одиночество бегуна на длинные дистанции» — британский художественный фильм режиссера Тони Ричардсона, снятый в 1962 г. по одноименному рассказу Алана Силитоу.

Берлингуэр¹ заявил: «Не стоит бояться, что в Италии к власти придут коммунисты». Идеал двусмысленного высказывания, поскольку оно может означать:

— бояться не стоит, поскольку коммунисты, если и придут к власти, ничего не изменят в ее основном капиталистическом устройстве;

— нет никакого риска, что они *когда-либо* придут к власти, потому что они этого не хотят.

Но также:

— на самом деле, реальной власти больше не существует, то есть власти как таковой больше нет, и, следовательно, нет риска, что кто-нибудь возьмет ее или отберет у кого-то.

А еще :

— я (Берлингуэр) не боюсь прихода коммунистов к власти в Италии, что может показаться логичным, даже очевидным, но на самом деле это не совсем так, поскольку может означать и обратное (и для этого не нужно прибегать к услугам психоанализа): я **БОЮСЬ** прихода к власти в Италии коммунистов (есть веские основания опасаться этого, даже если ты коммунист).

Верно и то, и другое, и третье. В этом секрет высказывания, чья двусмысленность сама по себе является выражением отклонения власти от курса. Налицо невозможность выражения детерминированной позиции, нулевая степень поли-

¹ Энрико Берлингуэр (1922–1984) — итальянский политик, секретарь Итальянской коммунистической партии с 1972 г. вплоть до своей кончины.

тической воли. Всем партиям наносится ущерб этой обнуленностью, но именно коммунисты самым жестоким образом свидетельствуют об этом уничтожении воли к обладанию политической силой.

Дело о направленном Португальской коммунистической партии «фальшивом» циркулярном документе из Москвы, повествующем о наиболее эффективных способах захвата власти, — невероятная наивность со стороны тех, кто участвовал в данном водевиле. Кто же, как не левые, потерпевшие поражение, мог запустить эту «утку» с целью реанимировать уже давно утраченную политическую энергию коммунистов? Под сенью коммунистических партий в цвету¹ уже давно не остается ничего, кроме девственных левых, ожидающих, когда их изнасилуют правые. Является ли этот документ истинным или ложным? Это не имеет никакого значения, поскольку очевидно обратное: коммунисты давно *запрограммированы* на то, чтобы не брать власть. Лучшим примером симуляции наступления было бы запустить ложный документ обратного смысла: «Директивы Москвы всем коммунистическим партиям мира о наиболее эффективных способах того, как никогда не прийти к власти».

¹ Намек на роман Марселя Пруста (1871–1922) «Под сенью девушек в цвету» — вторую книгу цикла «В поисках утраченного времени».

Чтобы бороться со всеобщей фальсификацией в сфере политики, вращающейся вокруг идеи подрыва существующего порядка вещей Французской коммунистической партией, чтобы бороться с обманом, в котором все соучаствуют, следовало бы ввести в оборот подобную разрушительную фальшивку, такую, какая полностью подорвала бы существующую модель политической симуляции.

А сами коммунисты (ибо все происходит так, будто они это знают) выдвигают разнообразные уважительные причины этого, ссылаясь на баланс сил, «объективную» ситуацию и т. д. Мол, нельзя брать власть в период кризиса (что было бы равнозначно управлению кризисом капитала, а нам хорошо известно, что капитал только и ждет этой управленческой преемственности, см. Сангинетти). Что, конечно, является полным абсурдом, поскольку любой преодоленный кризис не оставляет ни одного шанса для революционной «преемственности».

Есть другое объяснение, опять-таки, тактического плана, но более сложное: если Французская коммунистическая партия придет к власти, то неизбежно окажется перед дилеммой — либо скатиться в полный реформизм, чтобы сохранить свой электорат, и тогда она проигрывает социалистам (в более общем случае, в реформистской перспективе левые проигрывают правым, которые гораздо лучше справляются с реформистскими задачами), либо быть обязанной внедрить

в жизнь свои революционные перспективы и сразу быть сметенной. Зажатая с обеих сторон, ФКП не имеет иного выбора, кроме как держаться чуть ниже линии власти, где она может представлять *обреченной* на триумф, и, таким образом, сохранить имидж, не делая, однако, ничего, чтобы перепрыгнуть через свою тень в реальность власти, где безвозвратно погибнет. Одновременно это позволяет правым постоянно играть на этой якобы неминуемой победе коммунистов и по инерции сохранять власть. Так работает политический турникет — бесконечный сценарий, в котором ставки сделаны и каждый раз тасуются одни и те же карты.

Однако это все равно не объясняет, почему коммунисты не способны вести политическую игру, то есть брать на себя в политическом смысле разделение средств и целей — основного принципа политики, в которой власть является целью, а средства не важны. Почему они зациклены на средствах и потеряли из виду все цели, почему сосредоточены на промежуточных результатах, на созревании массового сознания, на историческом осознании и т. д. Почему верят только во все это и, стремясь, как и подобает сторонникам сверхкантианской этики, смешать средства и цели, превратив их в нечто однородное, а саму власть в средство, утратили способность брать ее. Они отказались от всякого политического насилия и в силу этого везде и всегда выступают жертвами и лишь поддерживают жалкий миф о массах

под пятой эксплуататорской власти. Это единственное содержание всех их речей, их плаксивых и блеющих обвинений, взывающих к чьей-то жалости, к некой инстанции справедливости, к какому-то божеству, которое отомстило бы капиталу за его гнет.

Вероятно, у коммунистов никогда и не было тяги к власти. *В качестве коммунистов* у них была только тяга к *бюрократическому* господству, но это вовсе не политическое действие, а лишь карикатура на него.

И все же сталинизм по-прежнему заряжен политическим насилием, потому что выходит за рамки голой и простой *потребительной стоимости* истории, масс, труда и социального. В нем все еще есть нечто от абсурдного *imperium*¹, вырвавшегося за пределы рациональной финальности социального (ошибочна точка зрения Глюксманна² по поводу террористической логики сталинских лагерей, то есть «трудовых» лагерей, в отличие от нацистских лагерей уничтожения, якобы являющихся более совершенной моделью господства). Вероятно, секрет неудачи коммунистов, их комплекса политического бессилия заключается в том, что после Сталина и его смерти *они все больше ориентировались на потребительную стоимость*, на

¹ Личная власть одного человека (лат.).

² Андре Глюксманн (1937–2015) — французский философ и писатель-эссеист, известный склонностью к эпатажу общественного мнения.

наивную веру в транспарентность истории и социальных явлений, устранив любое другое измерение, кроме здорового управления делами, в результате чего впали в неслыханную с лучших времен христианства добропорядочность. Утратив то, что было аморальным, чрезмерным в идее революции, которая бросила бы вызов капиталу на почве его вирулентности (а не на почве предполагаемой рациональности), революция коммунистов превратилась в весьма убогое явление, довольствующееся тем, что идет на смену капитала в его бессилии управлять общественными делами. С присущей ему «дикий» этикой капитал не заботился ни о потребительной стоимости, ни о надлежащем использовании социального — он был безумным, безграничным предприятием по упразднению истинно ценностного при постоянно растущем безразличии ко всему и ускоряющемся обращении стоимости. Поскольку капитал это и есть неограниченное господство меновой стоимости. Неверно утверждать, будто капитал противопоставляет символическому и ритуальному порядку собственный рациональный порядок выгоды, прибыли, производства и труда, короче, порядок, состоящий из позитивных целевых установок. Напротив, он навязывает разъединение, детерриториализацию¹ всего и вся, неумеренное

¹ *Детерриториализация* — процесс, в результате которого социальное отношение компонентов, территория, ее текущая организация и контекст изменяются, мутируют или разрушаются.